

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Л.В. Шиповалова

СОВРЕМЕННАЯ ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА И ВОЗМОЖНАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Предметом данной статьи является вопрос о легитимации философии в современном обществе и значение её сохранения в современном университете. При этом ставится задача понять место философии в университете, определяемое в контексте различия целей этой институции: с одной стороны, польза, удовлетворение требований результативности и эффективности, звучащих от общества и государства и, с другой стороны, поиск истины и образование человека. Первая цель связана с частными интересами, вторая с всеобщим. В статье использованы методы проблематизации и контекстуализации. Определяются условия возникновения требований эффективности, современная проблема университета как неоднозначность его целевых ориентаций. Поиск решения предполагает обращение к контексту, к возникновению классического университета, его философским основаниям: положениям о реформе университета В. Гумбольдта и обоснованию роли философского факультета в университете И. Кантом. В статье использованы методы проблематизации и контекстуализации. Определяются условия возникновения требований эффективности, современная проблема университета как неоднозначность его целевых ориентаций; поиск решения предполагает обращение к контексту, к возникновению классического университета, его философским основаниям: положениям о реформе университета В. Гумбольдта и обоснованию роли философского факультета в университете И. Кантом.

Ключевые слова: философский факультет, университет, наука, образование, В. Гумбольдт, И. Кант, автономия, частный интерес, современность, критика.

Review. The subject of this article is the problem of the legitimation of philosophy and the importance of philosophy at a modern university. The aim is to understand the place of philosophy at a University determined in terms of various purposes of this institution – on the one hand, the use, effectiveness and efficiency; on the other hand, the search for truth. The first purpose is associated with private interests and the second one is associated with universal values. The researcher has used the methods of problematization and contextualization. A modern problem of the university is the ambiguity of its target orientation. Looking for a solution to the problem requires an appeal to the origin of the classical university and its philosophical basis: Humboldt's provisions about the university reform and Kant's justification of the role of the Faculty of Philosophy. The conclusion is that philosophy, following the interests of truth, is uniquely capable and, in fact, should carry out criticism as the definition of the boundaries and conditions of use for any knowledge any regulations. Such analysis allows to describe interaction of private and public interests as the purposes of a University and legitimizes a specific role of philosophy. This is a relevant issue for modern times.

Key words: faculty of philosophy, university, science, education, Wilhelm von Humboldt, Immanuel Kant, autonomy, private interest, modernity, criticism.

В учёном сообществе, в университете, обязательно должен существовать <...> факультет, который, будучи в отношении своих учений независимым от правительственных приказов, должен иметь свободу не отдавать распоряжения, а обсуждать все распоряжения, касающиеся интересов науки, т.е. истины, когда разум должен быть вправе говорить публично, так как без такой сво-

боды истина (в ущерб самому правительству) никогда не станет известной.

(И. Кант «Спор факультетов»)

Вся философская традиция может быть понята как дело самооправдания. Однако только из современности можно в полной мере понять его

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 15-03-00572).

необходимость. Сегодня далеко не новым контекстом, в котором актуально это дело философии, становится тотальное требование результативности, предъявляемое к любой деятельности, ко всякой институции. Отвечая на этот запрос, философия может и должна прояснить относительность его уместности, определиться в отношении к нему. Уже само это прояснение может быть истолковано как первичная легитимация философии, определяющей границы любого вызова времени.

Ж.-Ф. Лиотар, связывая требование результативности и эффективности с новоевропейской рациональностью, объясняет его возникновение разоблачением метанарратива как принципа всеобщей легитимации, утратой возможной апелляции к *универсальному* основанию любой теоретической и практической деятельности [1, с. 102-129]. Основание это имело различные имена и степени возможной рационализации – истина Откровения, предустановленная гармония, совершенное существо, которое не может быть обманщиком, априорные формы познания и т.п. Когда трансцендентный или имманентный гарант его универсальности оказывается подозрительным, тогда познающий (поступающий) обнаруживает себя в социальном пространстве частных интересов. Тогда обоснование значения *собственного* дела перед лицом Другого уже не может быть обеспечено апелляцией к единому фундаменту, разделяемому всеми. Теперь это доказательство связывается с предъявлением на выходе внешнего самому делу результата, который может быть полезен: государству для укрепления международного статуса, бизнесу, для максимизации прибылей, населению, для удовлетворения потребностей, оцениваемых в соответствии с известной пирамидой, университету для вхождения в рейтинги и т.д. Иными словами, требование результативности возникает тогда, когда отчетливыми становятся различия субъектов общественных институций, когда собственный интерес становится частным по преимуществу, отделенным от частных интересов Другого. Тогда утраченная очевидность общности замещается формально прозрачной для каждого члена сообщества количественно измеряемой результативностью и эффективностью [2], отвечающей логике самовозрастания капитала, безразличного к государственным границам и культурным определённым. Жертвой этого требования оказываются также наука и образование.

Как при этом обстоит дело с возможной полезностью, результативностью философии? В каком качестве она обнаруживает себя в пространстве частных интересов? Вряд ли можно ускользнуть

от этого вопроса, сославшись на классический тезис о принципиальной незаинтересованности. Сомнительно также, что выходом будет обоснование полезности философии, примеряющей на себя одеяние позитивной науки. Возможен ли третий путь между Сциллой отстраненной созерцательности и Харибдой позитивной прагматики? Путь, следуя которому, философия может, не изменяя себе, претендовать на общественное признание? В данной статье мы предлагаем ответы на эти вопросы. При этом для нас будут принципиальны две предпосылки: для современного философствования важен его статус в университете, а для понимания современной идеи университета принципиально обращение к её истокам, которые имеют место в философской традиции.

Вынесенное в заглавие словосочетание «современная идея университета» вызывает вопрос об истоке такой идеи. Можно ли её извлечь из кажущегося актуальным прошлого или вывести из желаемых перспектив или настоятельных требований настоящего? Под современностью, определяющей здесь идею университета, мы будем понимать то событие исторического времени, которое представляет собой проблему, ставит человека перед очевидностью вопроса о собственных основаниях, перед необходимостью заново творить себя понимающего и действующего [3, с. 117-118; 4, с. 142]. Именно из так понятой современности можно, обнаружив университет в руинах, не отбросить его обломки, но помыслить себя ответственными за новую сборку [5].

Проблема университета может быть понята в контексте уже обозначенного требования времени – результативности и эффективности, – заставляющего мыслить эту классическую институцию как корпорацию, служащую частным интересам государства, экономики, общества. Очевидно, что это требование полезности неоднозначно соотносится с целью постижения истины и утверждения всеобщих ценностей, прописанной в некоторых уставах нынешних университетов [6]. Можно было бы разрешить проблему, списав стремление к истине на риторику программных документов, если бы не критика идеи бюрократического корпоративного университета, ориентированного только на количественные показатели роста. Можно было бы свысока пренебречь требованием эффективности, если бы не оправданное опасение, закрыв глаза на тревожный симптом современности, пасть жертвой заболевания, которое он выражает. Обозначить контуры современной идеи университета – значит не только увидеть неизбежность сосуществования этих двух порядков целей, интересов, признав их

естественность и закономерность, но и определить собственное место пребывания и действия в их разломе. Предполагается, что в существо этой идеи может попасть дело философии, дело философского факультета.

Современность как историческое событие – это не просто новое начинание из проблемного разлома времени. Оно предполагает обращение к предшествующим поколениям, к их когда-то провозглашенной, реализованной, порой забытой возможности ответов на вопросы, подобные нашим. Именно в этом смысле мы обратимся к идее классического (гумбольдтовского) университета. С одной стороны, можно полагать, что её актуальность ушла в прошлое вместе с требованиями классической научной рациональности и задачей возвращения духа нации [7; 5]. Что преобладание в XX в. массового университета скорее противоречит, чем способствует воссозданию «одионости и свободы» – провозглашённых В. Гумбольдтом условий для исследования. С другой стороны, можно обнаружить присутствие этой идеи в распространённом ныне именовании «национальный исследовательский университет» и в содержательных дискуссиях, которое за ним стоят [8; 9; 10]. Мы обратимся к ней, предполагая найти возможный ответ на вопрос о месте философии в университете в разломе между гетерономией частных интересов и автономией поиска истины.

Идея гумбольдтовского университета возникает на руинах университета средневекового, общественный статус которого может быть назван автономией, определяемой через академическую свободу (право суда по собственным законам), выборность членов корпорации и управляющих, финансовую самостоятельность и право на производство в учёные степени [11, с. 63]. Следует подчеркнуть, что автономия, присутствующая в средневековом университете, трактовалась тогда, как *отдельность* существования и не была лишена проблематичности.

Сомнение в так понятой автономии и связанное с ним сомнение в эффективности выражает существо кризиса средневекового университета, приносящего (или нет) пользу обществу, поддерживающего (или нет) престиж государства. Организация университетов и развитие науки должны основываться на принципах «разума и эффективности» – подчёркивают уже тогда реформаторы [11, с. 345; 12, с. 109]. Новоевропейскому требованию иной автономии, которая начинает пониматься не как *отдельное* существование по собственным законам, но как подчинение всеобщему закону разума, разделяемому всеми, не отвечают средневековые

привилегированные корпорации.

Идея возникающего в результате реформы немецкого университета начала XIX в. связана с тем, что он становится государственным, при этом, не лишаясь автономии, но осуществляя её как следование закону свободы. Этот закон, предполагающий всеобщность интереса разума, выступает глубинным основанием гумбольдтовской реформы. Именно предполагая всеобщий интерес – духовное, нравственное образование нации – государство, определяя задачи науки и образования в университете, «не должно требовать ничего, что непосредственно и напрямую относилось бы к нему <...>, но сохранять внутреннюю убежденность в том, что, когда они [науки и образование – Л.Ш.] достигнут своей конечной цели, они выполнят и его задачи, причем в намного более масштабной перспективе» [13, с. 7]. Иными словами, возможные частные интересы государства как системы власти имеют условием своего удовлетворения всеобщий интерес, которому непосредственно служат результаты научного исследования и образования. Более того, «государство должно постоянно отдавать себе отчёт в том, что не оно обеспечивает эти результаты, что оно и не способно это сделать <...> всякая попытка государственного вмешательства может только помешать развитию науки» [13, с. 6].

Подчеркнём ещё раз этот существенный момент. Автономия классического университета отличается от автономии средневекового не только и не столько тем, что в первом предполагается ещё и академическая свобода как самостоятельность в отношении содержания преподавания и исследования [14]. Понимание автономии изменяется принципиально: в отличие от *отдельности, самоуправления*, она трактуется как *следование всеобщему закону разума*, которому не подчиняются, но который, как предполагается, уважают все субъекты социальных отношений. То есть новый университет становится таковым в том случае, если сможет объединить собственные цели и цели иных общественных субъектов (в том числе государства); своей деятельностью гарантировать их объединение и осуществление.

Что является условием возможности этой всеобщности (интереса)? Оно представляется ключевым пунктом гумбольдтовской идеи университета. Речь идёт о свободе его внутренней организации, предполагающей отсутствие *заранее заданной цели* [13, с. 5]. Для университетов «наука всегда представляет собой проблему, ещё не решённую своего окончательного решения», и потому они постоянно занимаются исследованиями, в то время как школа имеет дело «только с готовым

и бесспорным знанием» [13, с. 5]. Завершённое, определённое знание, заданный образовательный стандарт, даже сформулированные самими учёными и преподавателями, могут и должны быть *частными*, специальными. Таковым не может быть только сам поиск, становление, открытость развитию. Всеобщность интереса здесь вводится не как содержательно определённый единый нормативный принцип, требующий подчинения, но как регулятивная идея, предполагающая возможность выхода за границы любого частного знания. Университет как образовательная структура ставит своей целью по преимуществу не передачу образца (сформированных знаний и навыков), что должно быть понято как задача для школы, но его формирование, сотворение. Он предполагает одновременное созидание-поиск науки и образованных людей, авторов научного знания, понимающих не только его содержание, но и его возникновение и применение.

Именно с этой свободой как незавершенно-стью или открытостью связан и содержательный принцип классического университета – единство образования и исследования, точнее их взаимная необходимость. Ученики нужны в университете не столько для того, чтобы их учить, сколько для того, чтобы подвергать сомнению собственную возможную односторонность учителя / учёного в стремлении к широте взгляда на научный предмет; они нужны исследованию. В свою очередь участие в исследовании нужно ученикам потому, что предметом обучения в университете выступают не только и не столько готовые правила и законы, а то, чему, по сути, научить нельзя – способность создания и применения этих правил. То, чему можно учить и учиться только в совместном действии – их создании и применении, в исследовании. Совместное (учитель и ученики) отношение к знанию как к незавершённому проекту, видение собственной науки в кризисе, то есть в ситуации требующей вопрошания, критического отношения, суда, воспитывает и поддерживает в тех, кто служит науке, способность суждения. Последнее же – условие образования свободного просвещенного гражданина, выходящего из состояния несовершеннолетия, способного на ответственное творчество в любых сферах общественной жизни.

Кажется, что классическая идея университета сама по себе содержит гарантию связи частных и всеобщего интересов, провозглашая и осуществляя на практике как развитие исследования и образования граждан, так и его результативность для общества и государства. Именно эта гарантия, в основе которой свобода (всеобщность) как крити-

ка всякой завершенности (частности) и единство преподавания и исследования, делает избыточной излишнюю формализацию в управлении наукой и необходимым предоставление ей самоуправления. Стало быть, современная проблема частного интереса и, соответственно, требований результативности, звучащих извне, незнакома той эпохе?

Однако именно с преобладанием частного интереса связывается кризис немецкого классического университета. К началу XX в. М. Вебер констатирует разделение науки и образования в университетах, где специализированная наука превращается в профессию, занятую поиском объективности в *собственной* сфере, переставая образовывать в классическом смысле. Учёные самоустраняются от вопросов формирования культуры, личности и духа нации, проповедуя углубление в специальные, свободные от оценочных суждений интересы, отделяя их от общественно-политической деятельности. Частное и публичное применение различаются по уместности (кафедра и трибуна) и, будучи абстрактно противопоставленными, оба становятся частными [15]. Тогда же образование, отделенное от исследования, оказывается жертвой государственных идеологических притязаний и потому, не случайно, немецкие университеты, а также сама немецкая нация оказываются бессильны и беззащитны перед тоталитаризмом власти [16, с. 78]. Нет ли уже в классической идее, казалось бы, гарантирующей совместное процветание университета, общества и государства, значимого нюанса, неоднозначности, которая, будучи незамеченной, может привести к катастрофическим последствиям?

Стоит отметить симптом этой неоднозначности, присутствующий в основных положениях гумбольдтовской реформы, определяющих отношения университета и государства. С одной стороны, государство предоставляет университету свободу, освобождая его от собственных требований. С другой стороны, присутствует тезис о том, что государство, заботясь о богатстве, т.е. мощи и разнообразии умственных ресурсов делает это «путем правильного выбора» привлекаемых к этому делу людей. «Свободе опасность угрожает не только со стороны государства, но и со стороны самих учреждений, которые при своем возникновении приобретают *определённый дух* [курсив мой – Л.Ш.] и впоследствии склонны подавлять проявление иного духа. Государство должно предотвратить и те недостатки, которые могут произрасти отсюда» [13, с. 7]. Иными словами, здесь предположено естественное присутствие *частного интереса* в учебных заведениях, приобретающих *определён-*

ный дух. Именно предотвращению абсолютизации частного, служит вмешательство (назначение профессоров) со стороны государства. Признание естественности частных интересов делает актуальным вопрос о специальной заботе, связанной с их ограничением.

Подозрение Гумбольдта к образовательным учреждениям, способным «приобретать определённый дух и не слышать иного», можно дополнить современным подозрением к самому государству, которое может начать диктовать университету своё частное соображение о пользе или предоставлять право его формулировки «потенциальным работодателям». Показателем такого положения дел является приглашение «потенциальных работодателей» на руководящие посты в университете, что оправдывается их способностью сформулировать и включить в образовательные программы тот набор знаний и навыков, которые будут востребованы на рынке труда после окончания обучения. Нельзя не увидеть здесь частных интересов: сколько бы высокими не были посты руководителей факультетов / работодателей, они являются не учёными, а образованными людьми на службе у государства и занимаются не развитием науки, то есть проблематизацией её, а формированием заданных навыков и компетенций.

Итак, в идее классического университета, как и в нашем современном положении дел, очевидна неоднозначность, выражающаяся в присутствии, с одной стороны, всеобщего интереса, гарантом которого выступает единство исследования (науки как незавершенного проекта) и образования (формирования научного и социально-политического свободного субъекта), и, с другой стороны, частных интересов государства, работодателя, конкретного научного сообщества. Свобода и собственность, оправданные в равной мере, – существо этой неоднозначности. Абсолютизация собственности, частного интереса ведёт к единственной легитимации деятельности через эффективность, а также к непризнанию «проявлений иного духа», особенно если он проигрывает в конкурсе количественного сравнения результатов. Отсутствие должной заботы о взаимодействии собственности и свободы могут привести к кризису университета. Кто должен и кто может быть субъектом такой заботы, в которой свобода есть критика ограниченности и определение условий возможности собственности? Кто может сохранять способность суждения в споре частных интересов?

По Канту, с которым в этом вопросе соглашался и Гумбольдт, роль такого арбитра по праву отводится философскому факультету [17]. Спор

факультетов, который есть жизнь университета, охраняющая его от кризиса – это не спор различных наук, которые по праву претендуют на собственную полезность, результативность и допускают её сравнение администратором, государством, в глазах народа. Спор, по Канту, ведётся между философским факультетом, который объединяет естественнонаучные и гуманитарные науки, и высшими факультетами (богословским, медицинским и юридическим). Целью низшего факультета является развитие исследования, критика всякой завершённости знания; высших – результативность, создание учений, содержание которых – ответ на вопрос как достичь вечного, гражданского и физического благополучия, цель которых – удовлетворение потребности народа в стремлении к счастью и государства в стремлении этим народом управлять. Спор этот не должен завершиться уничтожением одной из сторон, поскольку наличие двух порядков целей естественно. «В царстве целей всё имеет цену или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также чем-то другим как эквивалентом; то, что выше всякой цены, стало быть, не допускает эквивалента, то обладает достоинством» [18, с. 95]. Дело философского факультета по Канту не может быть определено сравнительной ценностью или ценой, если конечно не смешивать его с функционированием конкретной институции, выполняющей задачи по достижению количественно измеримых и потому сравнимых результатов. Однако это дело также может быть истолковано в терминах полезности. Философский факультет в университете «служит для того, чтобы контролировать три высших факультета и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего истина (существенное и первое условие учености вообще); полезность же, которую обещают правительству высшие факультеты, есть лишь второстепенный момент» [17, с. 70]. Единство и необходимое взаимодействие высших и низшего факультетов в университете определяется тем, что «Моё и Твоё» учёных, «как и политическое Моё и Твоё состоит из свободы и собственности, где свобода как условие необходимо должна предшествовать собственности» [17, с. 88]. Собственность – частный интерес – легитимируется через результативность и эффективность. Свобода – стремление к истине – легитимируется значением критики как определения условий возможности и границ применения всякого знания. В отсутствии критического удостоверения со стороны философского факультета, включающего различные науки с их единством преподавания и исследования, суждения, возведённые в закон, оказавшись ложными,

приведут к катастрофическим последствиям для всего общества.

Может ли признать эту роль философского факультета народ, являющийся субъектом легитимации деятельности высших факультетов, требующий опеки и руководства, желающий быть обеспеченным в своем оправданном стремлении к счастью [17, с. 74-76]? Этому собственному желанию народа можно служить двояко: предоставляя определённые цели и правила поведения для пассивного следования или предлагая испытывать, проверять достоверность этих правил. Требование философии несовместимо с пассивностью, оно предполагает обучение «думать самостоятельно», «пользоваться собственным рассудком», то есть постоянно реализовывать возможность *критической позиции* по отношению к определённости принимаемых в собственное распоряжение целей и средств. Критика не есть отрицание собственного интереса народа – стремления к счастью. Критика – раскрытие очевидности того, насколько этот интерес является «собственным», а не внушенным с помощью любых средств интересом Другого. Чем опасен закон Другого, оправдывающий успокоительную пассивность? Тем, что за его последствия нет необходимости отвечать. Образ безответственного мира, подчиняющегося закону какого угодно властного Другого, мира, в котором одновременно «ужасно и банально зло», сегодня слишком знаком европейской истории и вряд ли может быть назван соблазнительным для тех, кто имеет память.

Может ли признать эту роль философского факультета государство, утверждающее или запрещающее присутствие его в университете, преследующее цели, связанные с приобретением и сохранением власти, с воздействием на народ через посредство определённых учений, представленных в виде законов? Этим собственным целям государства можно служить двояко: убеждая в их несомненной правильности или определяя степень и границы их оправданности. Требование философии несовместимо с признанием несомненности любой установленной нормы. Законы всегда исходят от отдельных людей и потому могут оказаться «ошибочными или нецелесообразными». Учение или постановление, говорит Кант, «невозможно признать истинным, только потому, что оно предписано» [17, с. 68]. Без строгой проверки и возражений «оппозиционной партии», место которой – философский факультет [17, с. 86], у правительства не будет ясного представления о том, не противоречат ли сами себе его различные действия, о том, где границы его властных притязаний. Потому необходимо дело критики с позиции разума, определяю-

щей основания производства законодательства, границы его применения, и возможности осуществления. Философский факультет, осуществляя его, должен определяться по отношению к государству в своём специфическом критерии эффективности, а также в необходимо сопутствующей ему свободе, независимости от правительственных приказов и установлений.

Итак, благодаря собственному делу критики, философский факультет во-первых, признает интерес народа (и любой другой частный интерес) и определяет его условия в автономии как независимости от закона Другого, как возможности иметь основание собственного действия в себе и отвечать за него. И, во-вторых, признаёт интерес государства (и любой другой властный интерес) и определяет его условия в автономии как всеобщности, то есть ограниченности собственного интереса перед лицом внутреннего или внешнего Другого, а также возможности быть признанным в первую очередь благодаря разумности собственного законодательства и действия. Тем самым философский факультет не отвергает частный интерес и требования результативности и эффективности, но, осуществляя критическое обоснование, соединяет их с абсолютной полезностью свободы. В этой специфической эффективности собственное дело философии совпадает с всеобщим интересом.

В завершении следует ответить на два возможных сомнения. Первое связано с необходимостью присутствия также особого, частного интереса философии, учреждающего её в качестве систематического знания, профессиональной деятельности, философии в «школьном смысле слова». Критику, которую философский факультет предлагает народу и государству, он направляет, прежде всего, на себя, не соблазняясь единственностью максимы необходимого позитивного содержания, предполагая, что его собственное дело не должно быть профессионально замкнуто, возвышенно противопоставлено любой другой человеческой деятельности, но должно служить ей. А служба эта основана на правильном выборе в альтернативе: нести «перед милостивой госпожой *факел или шлейф позади неё*» [17, с. 70]. Философское дело – это возведение каждого (и своего также) интереса к всеобщности, раскрытие в каждом присущей ему критической способности, осуществление в этом образующемся философском сообществе дела самооправдания.

Второе сомнение относится к актуальности так понятого философского дела критики в современности, где интересы национального государства более или менее явно подчиняются интересу

транснационального капитала, где народ, как кажется, желателен и желает быть не просвещенным, реализующим способность суждения, но подчиненным заданным целям и правилам. Однако как бы ни был скрыт, замаскирован или симулирован собственный интерес, дело критики в его отношении остается актуальным, хотя и видоизменяет формы. Оно должно сохраняться хотя бы в качестве сопротивления возрастающей гетеронормии и разобщенности частных интересов «даже если это

и будет лишь бессильной попыткой мысли сохранить господство над самой собой и <...> уличить во лжи задействованную мифологию и зажмурившееся покорное приспособление к данному» [19, с. 19]. Кроме того, отказываться какому-либо Другому в его собственном интересе, а также в автономии как независимости и как стремлении к критической обоснованности своего дела, значило бы изменять великодушью как сущностной черте философствования.

Список литературы:

1. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
2. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995. 325 p.
3. Мамардашвили М.К. Современная европейская философия XX век // Логос. 1991. № 2. С. 109-130.
4. Фуко М. Что такое просвещение // Ступени. Петербургский альманах. СПб., 2000. № 1(11). С. 136-148.
5. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.
6. Устав СПбГУ. (URL: <http://spbu.ru/images/ustav/Ustav-2012.pdf>. (дата обращения 1.07.2015))
7. Петрова Г.И. Современный университет: «множественная идентичность» или «руины» классики? // Вестник Алтайской академии экономики и права. (URL: <http://journal-ael.intelbi.ru/main/wp-content/uploads/2015/04/117-120.pdf> (дата обращения 30.08.2015))
8. Пархоменко Р.Н. Национальная идея и современность // NB: Педагогика и просвещение. 2012. № 1. С. 79-105. (DOI: 10.7256/2306-4188.2012.1.135. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_135.html)
9. Розин В.М. Становление новой образовательной формации // NB: Педагогика и просвещение. 2013. № 1. С. 1-43. (DOI: 10.7256/2306-4188.2013.1.6445. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_6445.html)
10. Саввина О.В. Миссия университета // NB: Педагогика и просвещение. 2012. № 2. С. 155-179. (DOI: 10.7256/2306-4188.2012.2.480. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_480.html)
11. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII первой половины XIX веков в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
12. Миттельштрасс Ю. Будущее науки и настоящее университета // Логос. 2013. № 1(91). С. 100-121.
13. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2(22). С. 5-10.
14. Никольский В. Университетская свобода и академическая автономия // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 147-155.
15. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
16. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5-6(35). С. 65-78.
17. Кант И. Спор факультетов. Калининград: Изд-во КГУ, 2006. 286 с.
18. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. С. 53-120.
19. Адорно Т.В. Для чего ещё философия // Топос. 2012. № 1. С. 14-26.
20. Гуревич П.С. Образование и будущее человека // Педагогика и просвещение. 2013. № 2. С. 104-113. (DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9123)
21. Розин В.М. Философия управления как рефлексия над общественными процессами и практическая дисциплина // Политика и общество. 2012. № 8. С. 53-63.
22. Попкова Н.В. Философская культура или философская технология? // Культура и искусство. 2015. № 2. С. 133-144. (DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.14209)
23. Скоркин О.А. Значимость гуманитарной компоненты образования в технических вузах // Педагогика и просвещение. 2013. № 4. С. 288-295. (DOI: 10.7256/2306-434X.2013.4.10807)

References (transliteration):

1. Liotar Zh.F. Sostoyanie postmoderna. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiya, 1998. 160 s.
2. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995. 325 p.
3. Mamardashvili M.K. Sovremennaya evropeiskaya filosofiya XX vek // Logos. 1991. № 2. S. 109-130.
4. Fuko M. Chto takoe prosveshchenie // Stupeni. Peterburgskii al'manakh. SPb., 2000. № 1(11). S. 136-148.
5. Ridings B. Universitet v ruinakh. M.: Izd. dom GU VShE, 2010. 304 s.
6. Ustav SPbGU. (URL: <http://spbu.ru/images/ustav/Ustav-2012.pdf>. (data obrashcheniya 1.07.2015))
7. Petrova G.I. Sovremenniy universitet: «mnozhestvennaya identichnost'» ili «ruiny» klassiki? // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. (URL: <http://journal-ael.intelbi.ru/main/wp-content/uploads/2015/04/117-120.pdf> (data obrashcheniya 30.08.2015))

8. Parkhomenko R.N. Natsional'naya ideya i sovremennost' // NB: Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 1. S. 79-105. (DOI: 10.7256/2306-4188.2012.1.135. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_135.html)
9. Rozin V.M. Stanovlenie novoi obrazovatel'noi formatsii // NB: Pedagogika i prosveshchenie. 2013. № 1. С. 1-43. (DOI: 10.7256/2306-4188.2013.1.6445. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_6445.html)
10. Savvina O.V. Missiya universiteta // NB: Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 2. S. 155-179. (DOI: 10.7256/2306-4188.2012.2.480. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_480.html)
11. Andreev A.Yu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX vekov v kontekste universitetskoj istorii Evropy. M.: Znack, 2009. 640 s.
12. Mittel'shtrass Yu. Budushchee nauki i nastoyashchee universiteta // Logos. 2013. № 1(91). S. 100-121.
13. Gumbol'dt V. O vnutrennei i vneshnei organizatsii vysshikh nauchnykh zavedenii v Berline // Neprikosnovennyi zapas. 2002. № 2(22). S. 5-10.
14. Nikol'skii V. Universitetskaya svoboda i akademicheskaya avtonomiya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2013. № 6. S. 147-155.
15. Veber M. Nauka kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 707-735.
16. Shnedel'bakh G. Universitet Gumbol'dta // Logos. 2002. № 5-6(35). S. 65-78.
17. Kant I. Spor fakul'tetov. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2006. 286 s.
18. Kant I. Osnovy metafiziki nravstvennosti // Kant I. Kritika prakticheskogo razuma. SPb.: Nauka, 1995. S. 53-120.
19. Adorno T.V. Dlya chego eshche filosofiya // Topos. 2012. № 1. S. 14-26.
20. Gurevich P.S. Obrazovanie i budushchee cheloveka // Pedagogika i prosveshchenie. 2013. № 2. S. 104-113. (DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9123)
21. Rozin V.M. Filosofiya upravleniya kak refleksiya nad obshchestvennymi protsessami i prakticheskaya distsiplina // Politika i obshchestvo. 2012. № 8. S. 53-63.
22. Popkova N.V. Filosofskaya kul'tura ili filosofskaya tekhnologiya? // Kul'tura i iskusstvo. 2015. № 2. S. 133-144. (DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.14209)
23. Skorkin O.A. Znachimost' gumanitarnoi komponenty obrazovaniya v tekhnicheskikh vuzakh // Pedagogika i prosveshchenie. 2013. № 4. S. 288-295. (DOI: 10.7256/2306-434X.2013.4.10807)